

Каринэ Саакянц

«К священному содружеству армяны приобщил Марию Петровяна»¹

Подаренную в 1969 году Левону Мкртчяну свою книгу «Высокое искусство» Корней Чуковский надписал тремя эпиграммами, в которых он, хоть и в шуточной форме, воздал должное многогранному таланту Левона Мкртчяна, ворвавшегося в литературу сразу в трех ипостасях. Как исследователь и пропагандист армянской поэзии:

Меня от хмурых англичан
К своим возлюбленным армянам,
К своим Сарьянам и Зарьянам,
К своим титанам Туманьянам
Увлек бурливый Мкртчян.
И я вовек не перестану
Твердить осанну Мкртчяну,
Да будет пылкий Мкртчян
Высокой славой увенчан...

Как ярый противник иссушающих душу оригинала буквальных переводов и приверженец высокого искусства перевода:

От буквализма родину ты спас,
Ты дунул на него — и он утас.

Как инициатор и издатель первой (и, как оказалось, единственной прижизненной) книги стихов Марии Петровых «Дальнее дерево» (Ереван, 1968):

Да здравствует могучий Мкртчян,
К священному содружеству армяны
Ты приобщил Марию Петровяна.

Приобщить Марию «Петровяна» к содружеству каких-либо поэтов (а Чуковский именно это имел в виду, поскольку Левон Мкртчян издавал «своих титанов Туманьянов», армянских поэтов) было делом непростым. Она была приобщена к содружеству переводчиков, эту роль она выбрала для себя сама и справлялась с ней

¹ Статья (под заголовком «Из архива Левона Мкртчяна. Письма к М.С. Петровых (1965–1975)») с некоторыми сокращениями была опубликована в журнале «Вестник Ереванского университета. Русская филология», 2015, № 1. С. 16–31.

блестяще. Собственно, Левона Мкртчяна задуматься о незаурядном поэтическом даре Петровых заставили ее талантливые переводы из армянской поэзии. О том, что у нее есть собственные стихи, знали только в ее ближайшем окружении. И те, кто был знаком с этими стихами, пытались уговорить поэта опубликовать их. Но безуспешно². И потому, когда «бурливый» и «могучий» Левон Мкртчян издал в Ереване книгу ее стихов, друзья Петровых, восприняв это как подвиг, стали говорить: «Если Левон не делает за свою жизнь больше ничего, одного только “Дальнего дерева” будет достаточно, чтобы имя его навсегда осталось в истории русской поэзии».

Яков Хелемский в своем очерке «Пусть не гаснет свет в окне Левона...», отметил, что Петровых «...свое оригинальное творчество заслонила первоклассным мастерством переложения на русский язык иноязычной поэзии», продолжает: «Если идея сборника Петровых возникла не у одного Левона Мкртычевича, то в осуществлении ее первенство, бесспорно, принадлежало ему. И вот в 1968 году книга “Дальнее дерево” увидела свет. Прервалось горестное безмолвие Марии Сергеевны. Русские ценители поэзии, несмотря на мизерный тираж книжки (тогда 5000 считалось мизерным тиражом! — К.С.), не только в Ереване, но и в Москве открыли для себя большого поэта... Благодаря Левону была прервана блокада оригинального художника Петровых. Эта крохотная книжечка многое изменила в судьбе Марии Сергеевны. Не заметить это уникальное издание было невозможно, стихи говорили сами за себя. Книга “Дальнее дерево” сразу же стала библиографической редкостью».

В кругу друзей и знакомых за Петровых прочно закрепилась слава бесконечно требовательного к себе и взыскательного поэта, который сам отгородил себя от читателей. В определенной степени это было так. Однако не в полной мере. В том же очерке Яков Хелемский пишет: «...Она не умела и не хотела *пробиваться*, предпочитая безмолвие унижительному хождению по редакциям и коридорам издательств, не хотела нарываться на грубые отказы, ибо стихи ее, сугубо личные, — а могут ли истинно лирические строки быть иными? — отвергались бдительными редакторами и внутренними рецензентами как непроходимые и несвоевременные. Однажды пережив такое отталкивание своей рукописи, она гордо прекратила эти попытки, посвятив свой талант переводу. Здесь ей преград не чинили, все же зная цену ее таланту, ярко ощущавшемуся и в переложениях». О том, что рукопись однажды была отвергнута, пишет и Левон Мкртчян: «...Петровых не печаталась не потому, что ее не печатали. В 1942 году в “Советском писателе” “зарезали” рукопись ее первой книги как несозвучную эпохе (отрицательные внутренние рецензии были написаны Е. Книпович, В. Виленкиным, А. Митрофановым, О. Резником). Петровых была глубоко оскорблена и с тех пор никому не предлагала своих стихов». Не предлагала она их и Левону Мкртчяну. Но ему и не надо было предлагать. Достаточно было того, что он, услышав о них, прочитал все, что было опубликовано³. И, оценив масштабы поэтического дарования Петровых, решил издать ее стихи. А дальше уже сработало то удивительное, редкое качество, которым был наделен Левон Мкртчян: он никогда не разбрасывался обещаниями и, если его осеняла какая-нибудь благородная мысль (кстати, одна из его книг так и называется: «Да придут к нам благородные мысли со

² «Я спрашивал у Петровых об ее оригинальных стихотворениях, — пишет Левон Мкртчян. — Она сказала, что писала стихи, но не печаталась, и много лет только тем и занимается, что переводит. Она не хотела говорить о себе, своих стихах.

Позже я прочел у Лидии Чуковской: “И сколько раз и сколько уж лет Самуил Яковлевич и Анна Андреевна говорили мне о поэзии Петровых”.

Маршак жаловался: “Эта женщина — мой палач. Читает мне свои стихи. Я прошу: дайте рукопись! — ручаюсь, устрою сборник в издательстве «Советский писатель». Ни за что!”» (Левон Мкртчян. Так назначено судьбой. Заметки и воспоминания о Марии Петровых. Письма Марии Петровых. Ер., 2000. С. 20).

³ «Несколько стихотворений Петровых, — пишет Л. Мкртчян, — я нашел в журнале “Знамя” за 1943–1944 годы. Это были стихи, очень непохожие на то, что писали в годы войны и о войне: “Казалось мне, что ненависть — огонь...”, “Мы начинали без заглавий...”, “У меня большое горе...”» (Левон Мкртчян. Так назначено судьбой).

всех сторон»), делился ею только после того, как была пройдена определенная часть пути по ее воплощению. Так было и в случае с «Дальним деревом». О том, что он собирается издать книгу, Мкртчян сообщил Марии Сергеевне, уже успев заручиться согласием руководства издательства «Айастан»⁴ и республиканского Комитета по печати. Тем самым он усложнил и без того непростую задачу, поставленную им перед собой: с одной стороны — издатели, требующие рукопись, чтобы включить ее в издательский план, с другой — ни о чем не подозревающая Петровых, которую к той поре никому не удавалось убедить отдать стихи в печать.

В 2000 году Левон Мкртчян издал книгу «Так назначено судьбой. Заметки и воспоминания о Марии Петровых. Письма Марии Петровых». Сюда же вошли и его дневниковые записи. Конечно, по ним можно составить впечатление о том, как ему удалось уговорить Петровых собрать стихи и представить рукопись к изданию. Но эта картина будет полнее, если познакомиться с его письмами поэту. К сожалению, их не так много: письма тогда писались от руки и в единственном экземпляре⁵. В архиве Левона Мкртчяна сохранились вторые экземпляры всего нескольких его писем, отпечатанных на пишущей машинке.

Сохранилась, в частности, копия письма, с которого началась их многолетняя переписка. (Этим письмом он препроводил посланную Петровых машинопись посвященной ей статьи. Вверху, над машинописью — приписка от руки: «Написано где-то в конце апреля 1965 г.»):

«Дорогая Мария Сергеевна!

Сердечно поздравляю Вас и Арину⁶ с праздником мая. Всех благ Вам и во всем весенних удач!

Вы говорили, что не любите писать письма, оказалось, что и я не большой охотник писать их, хотя, помнится, хвастался Вам, что пишу много и охотно. Хвастался, наверное, потому, что мне у Вас было хорошо — и я захотел как-то себя приукрасить. Чудный был вечер у Вас — так хорошо и открыто о поэзии редко когда приходится говорить, и я Вам благодарен за тот вечер.

Я сделал небольшую статью о Вас⁷, ее изрядно попортили товарищи из газ. «Коммунист» и согласились в «выправленном» виде напечатать в ближайшее время. Я согласился на выправленный вариант, так как все равно напечатаю когда-нибудь свою редакцию. Это можно будет сделать где-либо в журнале, значительно расширив написанное. А работники газ. «Коммунист» слишком официальные и плохо понимают стихи. Но другой русской газеты у нас нет. А из-за русских стихов трудно писать о Вас в арм. газ.

Здесь в Госиздате в начале 66 года выйдет С. Шервинский⁸. На очереди — Ваша книга. Если бы Вы представили рукопись, она бы уже пошла. Мне говорили в издательстве, что они очень хотят сделать Вашу книгу. Вам уже теперь нужно сделать рукопись и представить издательству. Дело стоящее — не откладывайте его в долгий ящик.

Я прочел Ваши стихи в журнале «Звезда», прочел стихи в «Дне поэзии» и хочу знать новые Ваши стихи. Хочу еще раз попросить Вас прислать мне стихи об Арме-

4 Созданное в 1921 г. издательство «Армгосиздат» (калька с армянской аббревиатуры «Հայկական Գրքարարություն»), которая одновременно использовалась и в русской транскрипции: «Айпетрат»), в 1964 году было переименовано в «Айастан». В переписке привыкших к старому названию Л. Мкртчяна и М. Петровых встречаются все три названия.

5 Кроме того, некоторые письма Петровых свидетельствуют о том, что они написаны в продолжение очередного телефонного разговора.

6 Дочь Петровых, Арина Витальевна Головачева

7 Статья «Наша Мария Петровых» была опубликована в газете «Коммунист» (Ереван), 6 мая 1965, № 105.

8 Речь о кн.: С. Шервинский. Из армянской поэзии. Послесловие [«О Сергее Шервинском»] Л. Мкртчяна. Ер., 1966.

нии. И вообще, хочу знать все о творчестве Петровых. Надо хотеть, и надо дерзать. Этим, как видите, я и занимаюсь.

Искренне Ваш Левон».

На письмо Мкртчяна Петровых ответила деликатным отказом, этим ответом открывается раздел книги Мкртчяна «Так назначено судьбой»⁹:

«Дорогой Левон Мкртычевич!

Благодарю Вас за статью, которая меня глубоко тронула¹⁰. <...> Спасибо Вам за внимание к моей работе, но только Вы, конечно, меня переоцениваете. К сожалению, я очень и очень мало сделала, и думать об этом горько. Слишком много времени ушло на бесплодные раздумья и самобичевание. А жизнь должна быть насыщена трудом непрерывным, тогда она самому человеку памятна и дорога.

<...> Я верю, что, когда Вы приедете в Москву, мы увидимся. Благодарю Вас также за Ваше прекрасное письмо. Всего Вам самого доброго от всей души.

Ариша шлет Вам привет.

М. Петровых. 14 мая 65 г.»

К маю 1965 года, когда писалось это письмо, Петровых недостаточно близко была знакома с Левонем Мкртчяном¹¹ и потому не знала, что он никогда не отступал от своих замыслов. Даже самых революционных и, казалось бы, неосуществимых. Мария Сергеевна не предполагала, что ее отказ никак не мог повлиять на решение Мкртчяна издать ее книгу. Наоборот, он решил еще и проанонсировать издание в официальной московской прессе. Как и обещал, статью, опубликованную в «Коммунисте», он расширил, отредактировал и отправил в редакцию еженедельника «Литературная Россия». 17 декабря 1965 года статья была опубликована под названием «Высокая дружба». В статье Мкртчян, в частности, писал: «...Человек яркого, самобытного таланта, М. Петровых, подобно тенелюбивому растению, всегда была равнодушна к шуму известности. О Марии Петровых хорошо написала в своем посвящении ей В. Звягинцева:

*Покажись, безымянное чудо,
Что ты там притаилась одна?
Ты откуда такая, откуда,
Что и слава тебе не нужна?!*

Поэзию М. Петровых высоко ценили Александр Фадеев, Борис Пастернак, Горячо говорит о ней Анна Ахматова: «У нас высоко ценят Марию Петровых как отличную переводчицу. Между тем ее перу принадлежат самобытные и точные стихи».

<...> К сожалению, Петровых почти не публикует своих стихотворений. Отдельные ее вещи печатались в годы войны и в послевоенные годы. Сейчас готовится в Армении книга ее стихов и переводов»¹².

Сразу после выхода статьи, 19 декабря, Петровых пишет Левону Мкртчяну:

«Дорогой Левон Мкртычевич!

Я до глубины души тронута Вашим вниманием к моей работе. Благодарю Вас за него. Я и тронута Вашей статьей, и взволнована, и немножко даже подавлена — я

9 Решение представить фрагменты некоторых из опубликованных Мкртчяном писем вызвано тем, что они перекликаются с его письмами, кроме того, тираж книги настолько мал (всего 500 экземпляров), что библиографической редкостью она стала практически сразу после выхода в свет.

10 Об опубликованной в «Коммунисте» статье Л. Мкртчян писал: «Статья была плохо написана да еще и подпорчена редакционными правками. Но все же можно было почитать, что автор статьи ценит стихи и переводы Петровых».

11 «С Марией Сергеевной Петровых, — пишет Л. Мкртчян, — познакомился я в середине 60-х годов. Знакомство было заочным. Вера Звягинцева позвонила ей и представила меня. А вскоре, в начале 1965 года, я пришел к Марии Сергеевне на Хорошевское шоссе, где она жила с дочерью Ариной Витальевной Головачевой и где потом я часто бывал».

12 Л. Мкртчян. Высокая дружба. Лит. Россия, 1965, 17 дек., № 51. С. 15.

слишком знаю, что не стою высоких слов, сказанных Вами обо мне. Может быть, я до какой-то степени стоила бы их, если бы сделала в жизни все, что могла. Но я не сделала, я многие годы прожила впустую, — и от лени, и от недостатка веры в себя, и, больше всего, от чувства глухого отчаянья, которое слишком часто мною овладевало.

И все же — сердечное Вам спасибо. Мне бесконечно дорого Ваше доброе внимание. Я благодарна Вам за то, что в Вашей статье Вы назвали двух самых дорогих мне людей — Фадеева и Пастернака. И, конечно, дорого видеть в этой статье имя Ахматовой.

Вы пишете: ...готовится книга.

Я так испугалась, что со страху и в самом деле начну готовить книгу. Вот что Вы натворили! Трудно мне этим заниматься — слишком мучает мысль о том, что главное не написано.

Но я буду работать над книгой. Придется это делать параллельно с текущей работой (переводы), но составление книги поставлю во главу угла.

Все это для меня необычно, и мне очень трудно перебороть себя, но я постараюсь. Спасибо Вам, дорогой друг, за поддержку.

От всей души желаю Вам счастья».

Петровых понимала, что анонс в «Литературной России» — это серьезно, что Мкртчян не отступит от своего решения, и ей не остается ничего иного, как начать работу над подготовкой рукописи.

«Хотя она писала, что составление книги поставит “во главу угла”, сборник ее стихов складывался мучительно медленно, — пишет Мкртчян. — “Господи, как страшно пробужденье. И такое позднее — зачем?” — терзалась она.

А я, между прочим, просил Петровых представить рукопись в ереванское издательство в конце 1966 года, думая, что за год она вполне успеет составить книгу. Я ей писал, что книга стоит в плане выпуска 1967 года».

Левон Мкртчян опубликовал все хранившиеся у него письма Петровых. За письмом от 19 декабря 1965 г. следует письмо, условно датированное серединой февраля 1967 г.¹³, в котором Петровых пишет:

«Дорогой Левон Мкртычевич!

Простите мое молчание. Думаю о Вас и о Вашем письме¹⁴ все время. Вы сделали для меня так много, может быть, больше, чем кто-либо когда-либо. Вы сдвинули меня. Я думаю о книге. И что самое главное — Вы заставили меня писать. Это важнее, главное книги. Это все равно, что отвалить камень от похороненного заживо, — вернуть к жизни. А насчет книги...

Я живу реальными думами о ней, я вытащила из небытия папки со стихами.

Но что самое трудное? Ведь я уже не та, что в этих стихах, а стихов, где я теперешняя, — очень мало, да и смогут ли они войти в книгу — не знаю. Я думала о том, что хорошо бы перевести книгу из плана выпуска этого года в план редакционной подготовки, а в план выпуска включить на следующий, 68-й год. Это самое лучшее, т.е. единственно возможное. Помогите мне в этом! Весну и лето я отдам на подготовку книги и осенью ее пришлю.

Сможете ли Вы, с помощью Сильвы Капутикян, этого добиться?

Ах, если все это и не получится — все равно. — Вы сделали главное. Вы вернули меня к стихам или вернули мне возможность писать. У меня много есть начатого и незаконченного, над чем хочется работать.

Между нами говоря, книга-то ведь будет не очень веселая и мало подходит для нынешнего юбилейного триумфального года¹⁵. Это я Вам пишу, а в издательстве

13 В сноске к письму Л.М. пишет: «Если письмо не датировано, в скобках указывается наиболее вероятная дата по почтовому штемпелю».

14 Письмо, на которое отвечает Петровых, в архиве Левона Мкртчяна нет. Как видно, это одно из тех писем, которые он писал от руки и в единственном экземпляре.

15 1967 год — год пятидесятой годовщины Октябрьской революции.

скажите, что я хочу книгу дополнить и прошу отсрочки. Я верю в Вашу дружбу и Вашу добрую, сильную волю — Вы мне поможете. Если Вы мне напишете, что это все возможно, т.е. возможно перенести книгу в план выпуска след. года, с тем, что я пришло рукопись в этом году — я буду благодарна бесконечно.

У меня нет слов, чтобы выразить Вам мою признательность за все».

Мкртчян в издательстве, естественно, договорился, но Петровых над рукописью работала по-прежнему очень медленно и тяжело. 29 апреля 1967 года она ему пишет: «Очень думаю о Вас. Бесконечно благодарю за Ваше доброе ко мне отношение. Сейчас работа над книгой прервалась — надо было заниматься переводом, ничего не поделаешь, иначе не проживешь».

На днях закончу эту работу и займусь своей. Нет слов, как я Вам признательна.

Мне только очень жутко. Прежние стихи — почти все — мне уже далеки, а новых почти нет. Вся надежда на лето, когда уеду из Москвы. Надеюсь, лето быть в Голицыне, под Москвой». Спустя три месяца, в начале июля, Петровых пишет: «Надо июль отдать переводам. На август-сентябрь я собираюсь в Голицыно, где буду работать над книгой. <...> Ваши письма, Ваше участие, Ваше внимание для меня нужнее, важнее всего. Если бы не Вы, разве я что-нибудь смогла бы сделать для своих стихов!» А в начале ноября она пишет: «...А что с моей книгой? В Голицыне я не то что работала над ней, — я писала стихи. Некоторые из них можно в книгу включить. Да, я думала над композицией. Весь ноябрь буду заниматься только своей книгой и в декабре хочу Вам ее прислать».

Дорогой друг, всем сердцем хочу, чтобы Вам легко дышалось, счастливо работалось, чтобы радости было как можно больше. Спасибо Вам за все. М.П.».

Наконец, в конце 1967 года (через год после намеченного и обговоренного в издательстве срока) Петровых доверила Мкртчяну большую подборку своих стихов. «Доверила, — как пишет Мкртчян, — с условием, что я никому не стану их показывать. Говорила, что не может отдавать стихи в печать. Это все равно что обнаженной показаться людям».

В январе 1968 года Левон Мкртчян пишет ей: «Дорогая Мария Сергеевна! Конечно, я мог Вам позвонить, но сейчас 2 часа ночи. Я только что приехал из Москвы, где был на юбилее Тарковского. Видел Аришу, она сказала, что Вы болеете. Выздоровливайте, ради бога. Но мне хотелось сказать Вам не только об этом. Сегодня весь вечер (11 января 1968 г. — К.С.) я слышал речи о стихах, хороших стихах. Я думал о Вас и Ваших стихах. И это понятно. Стихи у Вас великие. Я их никому не показывал и не покажу, хотя радость, восхищение так трудно скрывать (горе — легче). Будет так, как Вы этого хотите. А как же иначе? Я хочу, чтобы эти стихи были опубликованы с Вашего согласия. Сегодня я позволил себе сказать Ирине Озеровой, что попрошу у Вас стихи для страницы у них в “Литературной России”. Озерова посмотрела на меня, как на сумасшедшего и самонадеянного человека».

— Вот если бы кто-нибудь на самом деле смог принести нам стихи Марии Сергеевны. Но вот что я Вам расскажу. Однажды Анна Андреевна Ахматова сказала мне: “Напечатайте, пожалуйста, у Вас стихи Марии Сергеевны Петровых. Только не говорите, что я вам об этом говорила”.

— Я звоню М.С. Петровых, прошу стихи, она мне говорит: “Стихов у меня нет, есть переводы, я могу Вам дать. Стихов нет”. Мне ничего другого не оставалось, как сказать: “Знаете, а мне Анна Андреевна говорила, что у Вас есть стихи”. “Анна Андреевна могла ошибиться”, — спокойно ответила Петровых.

Дорогая Мария Сергеевна, разве можно так жестоко к себе, к стихам относиться? И неужели мне не удастся уговорить Вас дать стихи в газету, в наш журнал в Армении? Сделайте мне такую честь, пойдите мне навстречу. Ведь без Вашего согласия ничего нельзя сделать. У меня тысячу разных грехов, но к Вашим стихам я отношусь, как к своему сыну, говорю, к сыну, потому что он у меня единственный и самый любимый, у него очень открытые, грустные глаза... Но это уже другая тема. Выздоровливайте. Ваш Л.М.».

Казалось бы, став обладателем рукописи, которая давным-давно должна была быть представлена издателям, Левон Мкртчян мог тут же передать ее им. Мог, если бы не

подумал и о тех, кого в Ереване он убедил в необходимости издать Петровых. Нельзя забывать, что речь идет об промежутке времени после оттепели и о поэте, рукопись которого однажды уже «зарезали» за несозвучность эпохе, да и окружение этого поэта было не особенно идеологически благонадежным: Пастернак, Ахматова, Волошин, Мандельштам. Если не с уверенностью, то с большой долей вероятности можно утверждать, что и у издательства, и у Госкомитета по печати возникли бы серьезные проблемы с Главлитом¹⁶. Избежать их можно было в случае, если бы до выхода книги в Армении стихи Петровых появились бы в центральной печати. Не сомневаясь в резонансе со стороны читателей (что было немаловажно), Левон Мкртчян решил опубликовать небольшую подборку в «Литературной России». Сделать это он мог только с одобрения Петровых.

«И все-таки я получил согласие Марии Сергеевны (не без помощи Арины Витальевны), — пишет Мкртчян, — и отнес ее стихотворения в “Литературную Россию”. Но прежде со стихами Петровых я побывал у Александра Львовича Дымшица. Я думал, а вдруг стихотворения Петровых не возьмут в еженедельник российских писателей и тем самым причинят ей боль. И вся вина будет на мне. ...Есть такая армянская поговорка: хотели бровь подправить — выкололи глаз. Памятуя об этой народной мудрости и думая, как бы не навредить, я пошел к Александру Дымшицу, человеку широко образованному и любящему поэзию. Я знал, как в глубине души он переживал за людей талантливых и не признанных, а иногда, используя свое имя влиятельного, признанного властями критика, старался им помочь.

Дымшиц позвонил редактору “Литературной России” Константину Поздняеву и сказал, что очень рекомендует ему цикл замечательных стихотворений Марии Сергеевны Петровых.

— Такой поэт и не издается, бедствует, — повторял Дымшиц.

Стихотворения, по которым видно, что Петровых — человек верующий, посоветовал в редакцию еженедельника не относить.

— В книге пусть все это будет. А в газету не надо¹⁷.

Когда в конце января со стихами Петровых я пришел в “Литературную Россию” к заместителю редактора Григорию Куклису, у него в кабинете был поэт Николай Рыленков. Узнав, с чем я пришел, он стал говорить о Петровых как о большом и истинном поэте.

Стихов было много, больше, чем газета могла опубликовать. Какие именно стихотворения оставить в подборке, Поздняев договаривался непосредственно с Марией Сергеевной.

Страница со стихами Петровых была опубликована 1 марта 1968 года и хорошо, восторженно принята читателями».

16 Л. Мкртчян: «К идее издания книги Петровых в издательстве “Айастан” с самого же начала отнеслись доброжелательно. Но стихов ее ни в России, ни тем более в Армении никто не знал. Директор издательства Х.А. Барсегян спрашивал меня, почему Петровых не печатают в России, в русских издательствах, может быть, есть на то веские причины?».

17 Сегодня некоторые исследователи творчества поэтов Серебряного века (в частности, Павел Нерлер) с высоты нашего времени избочивают Ал. Дымшица в его ортодоксальности, в том, что в предисловии к сборнику стихов О. Мандельштама, изданному в «Библиотеке поэта» (Л., 1973), он «правильными» словами рассказывает биографию поэта. И вместо того чтобы назвать вещи своими именами, так пишет о его высылке, будто тот отправился на отдых. Думается, эпизод, рассказанный Л. Мкртчяном, достаточно красноречиво характеризует Дымшица. А что касается «правильных» слов, то Левон Мкртчян как-то приводил слова Лихтенберга о том, что «предисловие часто выполняет роль громоотвода». И слава Богу, что находились те «правильные» люди, которым удавалось находить «правильные» слова для предисловий-«громоотводов» к книгам «неправильных», с точки зрения власти, авторов.

Сразу после публикации Петровых пишет Мкртчяну:

«Дорогой Левон Мкртычевич!

Прежде всего — спасибо за все — за Вашу заботу обо мне, за Ваши чудесные письма. Простите мне мерзкое молчание, очень перед Вами виновата.

<...> Видели ли Вы мою подборку в “Лит. России” от 1 марта? Мне многие звонили и до сих пор звонят — говорят, хорошая получилась подборка. И письма я получила от “благодарных читателей”. Спасибо Вам, Левон. А сегодня позвонил мне Егор (не помню, как его по батюшке) Исаев и предложил книгу в “Советском писателе”. Но я поблагодарила и отказалась, сказав, что моя книга сдана уже в изд-во “Айпетрат”.

С Поздняевым мои отношения сложились очень хорошо, он мне понравился. Озерова была ко мне очень внимательна и добра. А все это — Вы, Левон. Сейчас я очень занята переводами — до 20 марта. А потом вернусь к своей книге. Все перечитаю. Приведу в порядок, что нужно. Озерова говорит, что мои стихи хотел бы напечатать журнал “Москва”, но мне из журнала не звонили.

6 марта 1968 г.»

А еще через десять дней:

«...Получила я сегодня договоры и письмо от Ираиды Вартановны Карумян¹⁸. Завтра ей отвечу. Письмо ее — очень хорошее, доброе. Но она пишет, что книгу на днях уже сдают в производство, а я еще не читала предисловие. При всем моем безграничном доверии к Вам, Левон, мне хотелось бы его прочитать, — боюсь, что Вы меня слишком хвалите. Пришлите же мне предисловие, пожалуйста, и поскорее!

Несколько стихотворений сняли, как Вы, вероятно, знаете. Тем, что сняли стихи “В угоду гордости моей” и “Мы смыслом юности влекомы” — нисколько не огорчаюсь. Немножко жаль “Болдинской осени” — но это не беда. Не согласна только с тем, что сняли очень дорогое мне стихотворение “Ты не становишься воспоминаньем”. Его надо оставить, только прошу снять строфу — предпоследнюю:

Прибежище мое и божество!
Я не могла души твоей измерить,
Я не могла любви твоей поверить
И стать достойной сердца твоего.

Это — снимите, эта строфа — лишняя. Но стихотворение это прошу не снимать и Вас прошу отстоять его. Можно снять ч.н. другое (если уж надо книгу сокращать), — ч.н. из ранних или — как Вы решите.

Удивило меня, что сняли стихотворение “Бредешь в лесу”. Почему? И стих. “Ты отнял у меня и свет и воздух”. Ведь это жизнеутверждающее стихотворение, мне кажется, его стоит оставить <...>.

М. Петровых
17 марта, 68 г.»

В следующем после этого письме Петровых говорит о своих замечаниях к предисловию:

18 Л. Мкртчян: «Издательским редактором книги Петровых была добрая и высокоинтеллигентная Ирина Карумян. (Мкртчян, близко знавший Карумян и обращавшийся к ней общепринятым кратким «Ира», естественно, приводит полную форму этого имени: Ирина, Петровых же называет Карумян Ираидой, поскольку в официальном документе — подписанном И. Карумян издательском договоре — по всей видимости, фигурирует официальное имя по паспорту: Ираида. — К.С.). Она была зачарована стихами Петровых, но почему-то (теперь уже не помню почему) предложила снять стихотворение “Ты не становишься воспоминаньем...”».

«Дорогой Левон Мкртычевич! Простите, что задержала ответ.

<...> Несколько дней назад я уже написала Вам письмо, но опять и опять перечитываю Ваше предисловие и пишу снова. Прежде всего — благодарю Вас за Вашу неустанную заботу обо мне. <...> Вы столько сил и времени тратите на заботу о моих делах! Спасибо за предисловие. Оно написано с неподдельным чувством. За Ваши добрые слова обо мне — спасибо.

У меня есть ряд соображений, с которыми я очень прошу Вас посчитаться.

Прежде всего — не надо начинать со ссылок на отзывы обо мне больших поэтов. Оставьте отзывы Ахматовой, стихи Звягинцевой — но пусть это будет не в начале!

Лучше пусть статья начнется не с чьих-то слов, а с Ваших определений и оценок (только не перехвалите, — перехваливаний в статье много, а это не нужно ни Вам, ни мне!).

Категорически настаиваю на том, чтобы Вы не цитировали Пастернака! Вы же знаете, что стихотворение это мадригальное, с улыбкой. Ни в коем случае не цитируйте, иначе я буду глубоко огорчена. Самое большее, если хотите, можно указать (если будет кстати), что и Пастернак в таком-то журнале — вернее так: из стих. Пастернака, помещенного в таком-то журнале, видна высокая оценка, которую он давал моему дарованию. Но, по-моему, этого не надо.

А когда Вы цитируете меня (то есть то, что было написано только для Вас, Левон¹⁹⁾ — надо хотя указать, что это из писем, и вообще не стоит цитировать так обильно меня, лучше что-то — от себя.

Не надо писать — “в заботах о других она забывала о своих собственных стихотворениях” (стр. 2).

“Заботы о других” — переводы, редактуры — были одновременно и моим заработком, нельзя это забывать. И кроме того — я о своих стихах никогда не забывала. Это они забывали меня, иногда на долгие годы, и это было очень мучительно. Конечно, переводы брали много душевных сил, но это не самое главное. Главное — какая-то неправильность моего душевного склада. (Это уже — только для Вас!)

В стих. “Мы начинали без заглавий” я пишу о моих сверстниках, о близких мне поэтах моего поколения и только в этом смысле — о себе.

Не надо фразы о “жестокости судьбы” (стр. 2–3). Я говорю иногда о судьбе в стихах, но виню не ее, а себя — свое неумение сладить с судьбой. Мне кажется, не надо цитировать “Пропавший ручей”: в отличие от “Мы начинали без заглавий” — это стихотворение очень грустное, совсем грустное.

<...> И Лермонтова (стр. 3) — я очень хотела бы, чтобы Вы не цитировали²⁰. Он мне вообще далек, а приведенные строки особенно. Он хотел печали, а я хотела радости, но не получалось. Да, хоть Вы и пишете, что желание жизни как радости — ординарность, но я вот именно этого хотела. То, что тормозит Ваше предисловие, следует сократить. Я позволила себе нахальство брать в скобки все, что мне кажется лишним или неточным и даже предлагать Вам варианты отдельных фраз. Посчитайтесь с моим нахальством в той мере, в какой найдете это возможным.

<...> Не надо, что чувство Пушкина — любовь к нему сблизила меня с Ахматовой: это слишком мое и это я писала только для Вас (стр. 7).

<...> Не надо полемики: “Кто-то придумал, что переводчики не писатели...” и т.д. Вы сами пишете, что это — глупо и спорить не о чем, и не надо.

После фразы “Значительны успехи...” мне кажется, надо прямо перейти к фразе: “Осенью 1944 года В. Звягинцева и М. Петровых приехали в Армению” (стр. 8).

19 «По моей просьбе Петровых написала и прислала мне для использования во вступительной статье автобиографические заметки. На первой странице сверху было написано: “Только для Вас, Левон”».

20 «...Петровых <...> просила, чтобы я не очень распространялся о ее грустных, печальных стихах. Я же, чтобы “оправдать” ее грустные стихотворения, ссылаясь на Лермонтова: “Я жить хочу! Хочу печали / Любви и счастья назло...”».

Не надо: “Она переводит прекрасными стихами” — не надо излишка хвалебных оценок в предисловии. Не надо противопоставлять меня каким-то другим переводчикам — т.е. опять полемический тон.

Совсем не надо: “Мария Петровых так же, как и Звягинцева, как и другие опытные переводчики, считает, что без хорошего русского стиха...” и т.д. (стр. 10).

Это не надо писать, потому что это слишком и так ясно, и не стоит нас противопоставлять переводчикам, которые, выходит, считают, что можно переводить, не зная русского языка.

Конечно, такие — не знающие русского — переводчики есть, но они ничего не считают: они либо думают, что хорошо знают русский язык, либо вообще ничего не думают и не считают.

<...> Упаси боже писать о том, что я “обогащаю” Наири Зарьяна! Вы же знаете оригинал и знаете, что никакого обогащения здесь нет. Я очень точно перевела это стихотворение, и в том вся моя заслуга.

Вот, пожалуй, и все мои соображения. Какие-то мелочи отмечены мною на полях.

Главное — благодарю Вас, Левон, от всей души за внимание ко мне. <...>

М.П.

Р.С. Вы, конечно, помните, дорогой Левон, в какой безумной спешке мы работали в последний вечер. И в результате мое оглавление, видимо, не вполне совпадает с Вашим. Это уже моя вина.

Если говорить о ранних стихах — я не помню — вошло ли стих. “Море”? У меня в оглавлении оно есть, но без него можно обойтись, а если оно и осталось — снимите последнюю строфу.

Это хорошо, что сняли “В угоду гордости”. В “Болдинской осени” я тоже не вполне уверена, значит, хорошо, что ее сняли. Думаю, что хорошо бы снять “Неукротимую тревогой” и “Из ненаписанной поэмы”. Хорошо бы снять “Лишь в буре приют и спасенье”.

Стих. “Какое уж тут вдохновенье” — вызвало резкий протест Поздняева, который ко всем другим стихам отнесся очень хорошо. Я и сама чувствую, что в этом стихотворении есть что-то недостойное. Снимите его! К сожалению, не пришлось поговорить с Поздняевым — спросить — почему ему это стихотворение так не нравится. Но чувствую, что он прав.

Необходимо снять стих. “Дни мелькают — чет и нечет...” Один ленинградский поэт Лев Друскин прислал недавно в подарок мне свою книгу и там, представьте — та же невольная игра слов — “чет и нечет — рвет и мечет”. Так бывает. Возникает что-то у одного поэта, а потом, совершенно независимо, возникает у другого. Но его книга уже вышла, поэтому мое стихотворение (написанное давно) будет выглядеть как плагиат. На это я согласиться не могу. Снимите это стихотворение.

Благодарю Вас и редактора за то, что восстановили “Ты не становишься воспоминаньем”.

Но я прошу Вас и моего редактора снять 3 строфы: две последних на стр. 2-й: от “Неправда, все полно противоречий” и 1-ую строфу на 3-й: “Прибежище мое и божество!”

Т.е. после строфы: “Я шла не видя и не понимая...” сразу должна быть последняя, заключительная строфа. Так лучше, сильнее.

Простите, что бесконечно утруждаю Вас. Спасибо Вам за все. После подборки в “Литературной России” было много телефонных звонков. И письма, и телеграммы.

Это все Вы, Левон.

Всего Вам самого доброго.

М.П.

(Конец марта 1968 г.)»

Левон Мкртчян:

«31 марта 1968 г.

Дорогая Мария Сергеевна!

Спасибо за замечания по предисловию. Я все выправил, сократил. Теперь получилось лучше, компактнее. Ссылки на Вас (хотя Вы писали только для меня) я оста-

вил. Это интересно и лучше, чем, если бы я сам писал бы о том же. Вообще знаменитое “я сам” не всегда лучший вариант. Что касается меня, то я знаю, что многого не умею.

Стихотворение “Пожалейте пропавший ручей...” я очень люблю именно за то, что оно полно жизни. И нет ничего удивительного в том, что Вы, автор стихотворения, иначе воспринимаете его, чем я, читатель. Я не должен этого бояться.

В стихотворении “Ты не становишься воспоминанием...” снял, как Вы и велели, одну строфу (“Прибежище мое и божество...”). Сокращать еще две строфы (“Неправда, все полно противоречий...”), думается, было бы неправильно.

Стихотворение “Какое уж тут вдохновенье...” мне очень нравится. Поэтому я и отнес его в “Лит. Россию”. Если же оно не нравится Поздняяеву, то это еще не основание для того, чтобы снимать стихотворение из книги. Поздняяев его не напечатал, и ладно. А мы его напечатает. Ничего недостойного в этом стихотворении нет. Кстати, в издательстве пожелали, чтобы я был назван как составитель сборника. Если Вы не возражаете, то я возражать не стану, чтобы не подумали, я из боязни не хочу быть составителем. А вообще легко можно сделать так, чтобы книга пошла без составителя. Вы мне только напишите.

Стихотворение “Дни мелькают...” сниму, хотя мне не хотелось бы этого делать из-за стихотворения Друскина, не имеющего к Вам никакого отношения. Да и никто бы и не подумал, что “чет и нечет” и “рвет и мечет” у Вас от Друскина. Но воля Ваша. Стихотворение сниму. “Море” в книгу вошло без последней строфы. «Из ненаписанной поэмы» — тоже вошло. “Ранней утраты” в сборнике нет. Простите, если чем-либо Вас огорчил. Я ведь хотел и хочу, чтобы все было хорошо.

Книга уже подписана в производство, задержали ее из-за моего предисловия. Я не мог отдать им статью, не показав ее Вам.

В Москве я буду дней через десять. Задержался, так как еще не совсем здоров. С Туманяном²¹ все решим на месте.

Очень меня опечалила смерть Сельвинского. Я люблю этого поэта. Привет Вам и Арише.

Ваша книга будет объявлена в “Бланке заказа”. Это газета всесоюзного книго-торга. Объявлена она будет через три-четыре месяца, к выходу, а может быть, и раньше. Тираж назначили. Не то 3, не то 5 тысяч, точно не помню. Будет книга в конце года. Все зависит от того, как будет продвигаться она в типографии. Конечно, я буду следить за ее продвижением²².

Л.М.»

21 Речь о трехтомнике Ов. Туманяна, над составлением которого тогда совместно с Л. Ахвердяном работал Л. Мкртчян и редактором стихотворных текстов которого он уговорил стать М. Петровых. Трехтомник вышел в свет к 100-летию Туманяна (Ер., 1969 г.)

22 К изданию каждой из своих книг Левон Мкртчян подходил с колоссальной ответственностью. И когда его книги поступали из издательства в типографию, дотошно курировал весь процесс производства. Понимая, что невысокая зарплата работников типографии ограничивает его в праве предъявлять им свои требования, он дополнительно к их зарплате сам назначал тариф за каждую страницу. Что касается «Дальнего дерева», то интересно в этом смысле замечание Поэты Карпа: «Когда печаталось “Дальнее дерево”, она (М. Петровых. — К.С.) говорила: “Я спокойна. Я все, что хотела, отдала Левону Мкртчяну. Он умеет с ними разговаривать”. Она, конечно, не вполне была спокойна, но все-таки была свободна от ужаса перед редакторским вмешательством. О стихах она как-то сказала: “Дело редактора не редактировать, а брать или не брать. Это ведь не переводы, где всякий может прочесть оригинал или хотя бы подстрочник. А у стихов нет подстрочника”». Поэты Карп. Хоршевское шоссе. Литературная Россия, 1988, 21 окт., № 42. (Статья сохранена в архиве Л. Мкртчяна.)

Получив от Мкртчяна исправленный вариант предисловия, Петровых пишет: «Дорогой Левон Мкртыгчевич.

Опять я перед Вами виновата, задержала ответ. <...>

Предисловие Ваше очень выиграло от сокращений и более сдержанного тона. Никто и никогда лучше вас (т.е. с большей любовью) обо мне не напишет. Никто не напишет с большей любовью и проникновенностью. Что касается составительства — мне кажется, составителем может быть только сам автор (если издание прижизненное). Мне хочется очень только, чтобы Ваши большие труды были хоть как-то материально оплачены. М.б., сделать так, чтобы Вы были составителем 2-й части книги, т.е. переводов?

Ведь и книги Тарковского, и книги Липкина и все прочие и прочие вышли без составителя. Хотя я знаю, что первую книгу Тарковского составил в сущности Михаил Александрович Никитин (Арсений на нервной почве ничего сам не мог), но имя Никитина не значится на книге. И Вы очень помогли мне составить книгу и, пожалуй, по существу больше, чем я, были составителем, но — не надо. А чего бояться? Если уж возникает вопрос о боязни — я тем более не хочу, т.е. категорически не хочу, чтобы был составитель. За все отвечаю только я. Да ничего страшного в книге и нет.

Друг мой дорогой, разве Вы можете меня чем-нибудь огорчить? Мне от Вас только радость и, — что еще важнее, — уверенность в себе.

Еще о предисловии.

Слишком много цитат стихотворных: больше 80 строк моих стихов и 40 строк переводов. Это слишком много, надо сократить. Стоит ли цитировать “Ни Ахматовской кротости”? Это, пожалуй, единственное стихотворение (почти единственное), которое я ценю, поэтому лучше, мне кажется, если читатель прочтет его целиком сам. Не надо цитировать “Стоногий стон”... Тем более что стихотворение это в книгу не входит.

Мне кажется ошибочным и неточным утверждение, что “Без скорби поэзия во многих случаях утратила бы способность находить отклик в сердцах людей”. Ведь дело в том, что в самой жизни каждого человека (почти каждого) много печали. Поэтому и в искусстве ее немало. И скорбь, выраженная в искусстве, потому и находит отклик в людских сердцах, что сердцам этим доводилось страдать нередко. Эту мысль надо выразить точнее. <...>

Все, что мне кажется поддающимся сокращению, я позволила себе заключить в скобки.

И ведь в книге моей не только печальные стихи. Поэтому и в предисловии не стоит так много говорить о скорби стихов и как бы ее оправдывать. Если сократить в предисловии «Стоногий стон...» и «Ни Ахматовской кротости» и прояснить мысль о скорби в поэзии — тогда будет уже не так много о мрачном. Простите, что мучаю Вас, Левон. Очень жалею, что иногда в нужную минуту забываешь главное: я хотела в письме к редактору попросить разрешения заменить в верстке одно-два стихотворения, если за это время напишу что-нибудь стоящее...

М.П.

Апрель 1968 г.»

10 апреля 1968 года рукопись, наконец, была сдана в набор. Видимо, сразу после сдачи рукописи предполагалась выплата гонорара. Есть в архиве Левона Мкртчяна письмо и на эту тему. Датировано оно 17 июня 1968 года:

«Дорогая Мария Сергеевна!

Денег в издательстве все нет и нет. А получить их надо. Есть один способ. Вам причитается за книгу 60%. После львиного подоходного в чистых рублях — это 1547 рублей. Означенную сумму по гарантийному письму директора издательства можно получить уже теперь в армянском отделении ВУАП (всесоюзное управление авторских прав, как я понимаю). Я здесь в управлении говорил. Но Вам они деньги не могут выписать, так как Вы не входите в число армянских авторов. Вы должны обратиться во Всесоюзный ВУАП, те — сюда, а эти — туда и т.д. Но бухгалтер нашего

ВУАП подсказал такой выход: Вы пишете доверенность или на мое имя или на имя Левона Ахвердяна о том, что доверяете получить причитающиеся Вам одну тысячу пятьсот сорок семь рублей либо Левону Ахвердяну, либо мне. Дирекция выписывает отношение на наш ВУАП, на мое или Ахвердяна имя, здесь нам выписывают деньги и по нашему заявлению: «Прошу выписанные мне деньги — столько-то — отослать Марии Сергеевне Петровых» — деньги пересылают Вам. Но тут есть одно но. Этот самый ВУАП 2% из суммы удерживает в свою пользу и сам затем от издательства получает означенную сумму. И еще 2% берут на почте за перевод. Таким образом, из 100 рублей два останется в ВУАПе, а 2 на почте, выдадут же Вам 96.

Смотрите и решайте. Если можно подождать, то мы эти деньги возьмем из издательства без всякого ВУАПа. Это совершенно точно. Может быть, можно повременить месяц-другой. Мы с Левоном тут будем следить, как появятся деньги, — сразу же Вам вышлют из издательства.

На этот раз письмо у меня какое-то бухгалтерское. В следующем письме напишу Вам о поэзии, о высокой поэзии.

Искренне Ваш Л.М.».

14 октября «Дальнее дерево» было подписано в печать и в ноябре, наконец, книга увидела свет.

Петровых — Мкртчяну:

«Если бы Вы знали, как я волнуюсь, как бьется сердце! Только что пришла Ваша телеграмма²³. Спасибо за нее, а уж за все — такое спасибо, что не выскажешь.

Но как поразительно получилось! Я очень мучилась оттого, что Вам не пишу. Но я дала себе зарок — не писать Вам, пока не напишу Гатову: я полгода заставляла себя написать ему и вот сегодня переломила себя, — сижу, дописываю письмо Гатову и тут — приносят Вашу телеграмму!

Страшно думать о своей книге, очень страшно. Поговорим лучше о Туманяне, тем более что поговорить надо о многом...

Ваша М.П.

Начало декабря 1968 года».

Как и предполагал Мкртчян, резонанс на книгу был огромный. Оправдались не только его ожидания, но и развеялись опасения издателей:

«Когда утром 29 ноября 1968 года я зашел к Барсегяну, чтобы взять у него из только что полученных им сигнальных экземпляров “Дальнего дерева” экземпляр для Петровых, он дал мне книгу и сказал:

— Ты уверен, что у нас не будет неприятностей?

Но вскоре о книге, изданной у нас, появились в московской периодике восторженные статьи (“Литературная газета”, “Новый мир”, “Литературная Россия”...). О “Дальнем дереве” писали как о лучшей поэтической книге года. Барсегян был доволен и говорил о “Дальнем дереве” как об удаче издательства. Так оно и было».

Однако Левон Мкртчян не собирался останавливаться и вынашивал идею о новом сборнике стихов Петровых, о чем свидетельствуют еще некоторые письма их продолжавшейся и после выхода в свет «Дальнего дерева» переписки:

«14 декабря 1969 г.

Дорогая Мария Сергеевна!

“Сверчок” — изумительное стихотворение, очень светлое, очень человеческое. СПАСИБО! Ведь у меня есть еще другие стихи, не вошедшие в “Дальнее дерево” — “Немого учат говорить”, “Болдинская осень”, “Нет, мне не страшно, ангел мой зем-

23 Сообщение Л. Мкртчяна о выходе книги. Л. Мкртчян: «29 ноября 1968 года выслал авиапочтой Марии Петровых экземпляр “Дальнего дерева”. По дороге на почту зашел к Арсеню Тарковскому (он был в Ереване и жил в гостинице “Армения”), показал ему книгу Петровых. Тарковский почти всю ее тут же прочел.

— Наконец-то! — сказал он. — Надо написать о книге. А знаете, ее очень любила Ахматова».

ной...”, “Знаю, что ко мне ты не придешь...” — всего около десяти стихотворений. И у Вас, я знаю, есть готовые стихи, но не переписанные и не присланные мне. Думается, в 70-м году, Бог даст, будет у Вас книга. Мы ее напечатаем здесь, же в Ереване. Из переводов включим Туманяна, Амо Сагияна, Сильву, — все, что Вы перевели после “Дальнего дерева”. Можно будет небольшой отрывок включить из “Книги скорби”. И еще я Вам посылаю одно стихотворение Размика Давояна — это молодой и очень талантливый поэт. Правда, я все время пишу, что не надо Вам переводить, что лучше писать свои стихи, но Давоян стоит того, чтобы Вы его перевели, да и стихотворение очень Вам близкое:

Подобно давним и далеким рыцарям
Я бросил себя во глубину страданий.
Смешавшись с запахами теплых стен-преград,
Приближается ко мне сладкий аромат хлеба души (насущенного хлеба).

Желтые холмы сейчас голосят,
Страдание холмов нас восхищает.
Кого я ищу, и что я ищу,
И как это случилось, что я еще живу?

Первый мой день — в страданиях,
И второй день принес мне страдания,
И третий день в страданиях,
И четвертый день был четырежды страданием,
Пятый день — в страданиях,
Шестой день — бесконечные страдания.

Где же, Господь мой, день воскресенья?
Что это за голоса, что входят в пещеры?
Первый мой день в страданиях,
И последний мой день — страдания и боль²⁴».

Из письма М. Петровых от 20 мая 1973 года:
«Мой дорогой, мой бесценный друг!

Простите мне молчание. Пишу Вам уже второе письмо — первое не отослала, не понравилось оно мне. Да и Ваше письмо от 6 мая²⁵ заставляет меня писать иначе.

Вашу рукопись²⁶ я прочитала давно, мне нравится Ваша статья о Звягинцевой; мелкие замечания и пожелания (сократить выписки из ее писем) — Вы увидите на полях рукописи. Есть несколько мелких замечаний и у Ариши (ее почерк Вы от моего, надеюсь, отличите).

Спасибо Вам за последнее письмо. Оно меня тронуло до глубины сердца. Такое оно умное, чуткое, мудрое.

Я постараюсь начать работу — и переводы, и свое — если получится.

Поймите одно, родной мой Левон, не могу заниматься книгой, не написав хотя бы одного нового стихотворения, — не могу.

Вы поразительно написали о том, что “тяжело” заниматься сегодня тем, что — должно было быть сделано вчера и т.д. Вы написали мне именно то, что было для меня необходимо. Спасибо Вам, родной мой друг.

М. Петровых
20 мая 1973 г.»

О второй книге Петровых Мкртчян не переставал писать ей и впоследствии:

24 Подстрочный перевод Л. Мкртчяна.

25 В архиве Л. Мкртчяна этого письма нет.

26 Речь о кн.: Левон Мкртчян. Черты родства. Ер., 1973.

«24 июля, 1973 г.

Дорогая Мария Сергеевна!

Был проездом в Москве, а в Переделкино заехать к Вам не смог — виноват! Говорил с Аришей — длинно и нудно. Но Ариша была очень мила и терпелива. А вот обо мне нельзя сказать ни того, ни другого. Это я не потому, чтобы меня пожалели...

Жизнь у меня в последние несколько месяцев суетная и непонятная. Что-то я пишу срочно, хотя мне все это не нужно. Нужно то, что не срочно... Сегодня, наконец, открылась возможность заняться тем, чем я хочу заниматься. Я хочу сделать (делаю) небольшой сборник поэта XII века Григора Тха. Это замечательный поэт. В нашей «Средневековой Армении»²⁷ его нет, так как только недавно извлекли Григора из многих рукописей и издали (впервые) на армянском языке книгу стихов. О Григоре я Вам пишу вот по какому поводу. Я очень хочу, чтобы в Вашу новую книгу, которую, надеюсь, Вы готовите, вошли и некоторые Ваши переводы (не как раздел, а вперемежку с Вашими стихами). Это должны быть такие стихотворения, которые Вы сами могли написать, т.е. то, что Вам очень близко как ПОЭТУ! Я Вам посылаю одно стихотворение Григора Тха. Как мне думается, это очень Ваше стихотворение, Григор написал его за Вас еще в XII веке. Поэтому Вы его и переводите, т.е. я хочу, чтобы Вы его перевели. Очень может быть, что я ошибаюсь, что Вам не надо переводить это стихотворение. Поэтому я Вас очень прошу, если стихотворение Вам не понравится, если Вы почему-либо не можете его перевести где-то в середине августа (до середины августа) — напишите мне. Я должен знать, сохранить это стихотворение за Вами или нет²⁸. Вот какой я строгий и ультимативный. А вообще не такой...

Вас я все равно люблю и очень хочу, чтобы была новая книга. Пишите мне. Я знаю, Вам трудно писать, но на маленькое письмо от Вас я могу рассчитывать. Правда ведь?

Ваш Л.М.».

В продолжение этого письма — короткое обращение к дочери Петровых, Арине Головачевой:

«Дорогая Ариша!

Я тебя крепко приветствую из этих самых дачных мест. Все думают, что я здесь веду красивую жизнь, а я работаю. Но объяснить никому невозможно. Знаем, говорят, как в Ялте работают... А я не только работаю, но и Библию читаю. Перечитываю то самое место, где сказано: «От многотой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь». Перечитываю и все равно умножаю познания. Ведь умножать надо очень много! Привет тебе и поцелуи».

Л. Мкртчян — М. Петровых:

«8 сентября 1974 г.

Дорогая Мария Сергеевна!

Завтра должны быть болгарский поэт Валерий Петров и Ника Николаевна Глен в Ереване. Помню и жду их.

Сегодня смотрел Ваши стихи (неопубликованные). Все-таки многое для книги сделано. Есть стихи великой силы и великой простоты. Вам нужно сделать еще одно усилие, и сборник (новый + стихи из «Дальнего дерева») будет!

27 Речь об изданном Л. Мкртчяном антологическом сборнике «Армянская средневековая лирика». Л.: Сов. писатель («Б-ка поэта», Большая серия), 1972. Составление, вступит. статья, примечания Л. Мкртчяна. Редактор — М. Петровых.

28 «Стихотворение полезное и чудесное» Григора Тха М. Петровых перевела по подстрочнику Л. Мкртчяна к концу марта 1976 г. В письме от 27 марта 1976 г. она писала: «Стихотворение очень насыщенное, очень «крутое», при переводе, конечно, многое пропало, о чем горюю. Сохранила, конечно, систему двуступиш и обязательную цезуру. Все, что необходимо, и что будет возможно в верстке — изменю, исправлю». Впервые было опубликовано в антологическом двухтомнике «Армянская классическая лирика». Составление, вступит. статья, примечания Л. Мкртчяна. Редактор стихотворных переводов — М. Петровых. Ер., 1977, т. 1, с. 233.

Мне иногда кажется, что Вы меня и любите и ненавидите за то, что я Вас постоянно терзаю идеей новой книги.

Вам, может, даже кажется, что мои напоминания Вас сковывают, что, если бы не я, Вам бы писалось — книга давно бы уже была.

У Вас очень хорошо сказано:

Как были эти годы хороши,
Когда и я стихи писать умела,
Невзрачные, они росли несмело,
И все-таки, из сердца, из души.

Я вместе с Вами сожалею, очень сожалею, что Вам не работается, не пишется. Может быть, мне и впрямь не нужно напоминать вам о книге, о том, что нужно ее составить? Может быть, так будет лучше? И не будет сложностей наших отношений.

Я очень люблю Вашу поэзию и Вас, такую преданную поэзии.

Этим летом в Москве я был плох. На Костре²⁹ произнес плохую речь о К.И. Чуковском — не могу себе простить.

Привет Арише. Ваш Левон».

Л. Мкртчян высоко ценил Петровых не только как поэта, не только как переводчика, но и как блистательного редактора. Очень дорожил мнением Петровых относительно его собственного творчества и, зная о ее строгом, но всегда доброжелательном подходе, посылал ей все предназначенные для публикации свои работы. Так было и со статьей «Война и мир. Портреты и проблемы». В ответ 2 июля 1975 г. Петровых пишет:

«Дорогой, родной Левон!

Как всегда я бесконечно перед Вами виновата. Давно получила Вашу замечательную статью о «Войне и мире», — сразу же ее прочитала. Считаю ее лучшей Вашей работой. И вот... не писала так долго.

Я уже недели три живу в Голицыне. Пробуду здесь июль, а дальше не знаю — как и где буду. Хотелось бы пожить здесь подольше. Ваших летних планов — не помню! Здесь со мной только Ваша статья, а письмо Ваше, видимо, осталось в Москве.

Меня губит моя медлительность, заторможенность. Вас ничто не губит, но иногда Ваши статьи портила излишняя поспешность! Вы не давали времени себе поостыть, а статье поотлежаться, чтобы увидеть ее как бы чужими глазами, чтобы все было достаточно, т.е. вполне обоснованно. Даже в интересной, значительной работе Вашей о детях у Достоевского есть следы торопливости.

Статья Ваша о Толстом от этого свободна. Прекрасная, глубоко продуманная, умная и отлично написанная статья.

...Сейчас снова перечитала ее, очень сосредоточенно прочитала, и впечатление еще сильнее.

Поздравляю Вас, Левон.

<...> Насчет отношения Толстого к Наташе (в конце) и к Соне я с Вами не совсем согласна, но об этом потом.

Буду высказывать свои мелкие соображения постранично. <...>

(Читая и перечитывая Вашу статью, часто думала: дай Бог каждому русскому литератору так свободно и просторно владеть русским языком, как Вы им владеете.)

О Наташе. Толстой: «Теперь часто видно было ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая самка».

Как же Вы можете писать, что Толстой «не изменил своего нежного отношения к Наташе»? Наташа — другая уже, и другое отношение к ней автора. Не мог он нежно относиться к существу, утратившему духовность. И не обозвал бы он Наташу «сам-

²⁹ Заложённая К.И. Чуковским традиция проводить в Переделкино пионерские костры. Проходным «билетом» служили шишки хвойных деревьев, которыми и разжигался костер.

кой», если бы продолжал относиться к ней нежно. Теперь его отношение к ней — идейно-ободряющее и непосредственно-брезгливое, как к животному (убеждена, что сказало отношение Толстого к Софье Андреевне). Нет, теперь он Наташу не любит, он с жестоким бесстрашием констатирует — во что превратился человек удовлетворенный, утративший порывы душевные. <...>

О Соне. Соня удивительно хороша собой. И Толстой все время любит ее. Ее красота — контраст с наглой красотой Элен и обаятельной некрасивостью Наташи. <...> Она человек — самоотреченный, она умеет только любить — (и как любить!) — ничего для себя не желая. Ее счастье — в счастье других и даже в счастье отвергнувшего ее Николая. <...> (Соня отчасти — прообраз чеховской “Душечки”, о которой — “душечке” — я очень высокого мнения. “Душечка” — сплошная любовь. Чехов хотел высмеять ее, но она сама себя отстояла) <...>

Наташа жаждет мужа, и это почему-то Вы называете “высокими муками” (стр. 23). Напишите хотя бы вместо “высоких мук” — “страдания” <...>

...Мне совестно перед Вами. Вероятно, я очень надоела Вам своими соображениями, особенно мелочами. Но кое-что, м.б., Вам пригодится. Простите и за ужасный почерк. Машинка моя у Ариши, мне без нее, без машинки, очень трудно. А без Ариши — скучно.

...Не знаю — где Вы, куда посылать письмо? Завтра позвоню в Ереван и надеюсь выяснить. Еще раз спасибо Вам за превосходную статью.

Всего Вам самого доброго.

М.П.

2 июля 1975 г.

Голицыно».

Л. Мкртчян:

«21 июля 1975 г.

Дилижан.

Дорогая Мария Сергеевна!

Недавно мы с Амо Сагияном написали вам письмо. Амо здесь, в Дилижане. Мы с ним ведем беседы — мудрые и не мудрые...

Сейчас привезли из Еревана Ваше письмо. Оно очень меня обрадовало. Вы, как всегда, так добры ко мне. Спасибо. Я рад, очень рад, что моя статья о “В. и м.” Вам понравилась. А я ведь очень трусил, когда писал эту статью. Еще бы! Толстой, “Война и мир”!!!

Великое Вам спасибо за замечания. Конечно же, я их учту. В Вашем письме есть вещи бесспорные (вместо “убрать мертвых” — “вынести мертвых” и т.д.), есть очень тонкие и ценные наблюдения. Например, о Соне, за которую Вы вступились. И о Наташе, когда она стала женой и матерью (стала самкой)...

Первый том “В. и м.” (перевод Ст. Зорьяна, переиздание) уже вышел. Тираж — 50 тысяч! Моя статья опубликована в качестве предисловия. Я горжусь этим...

На русском языке статью опубликую (где и когда, не знаю) с учетом Ваших замечаний.

Летом я хотел написать о “Господах Головлевых” Щедрина. Меня очень волнует история этой семьи. Но лето проходит, а времени нет и, похоже, не будет. Очень я занят по Союзу писателей³⁰. Зря я согласился работать в СП. А уйти сразу нельзя — надо поработать, что-то сделать. А то скажут: Мкртчян — бездельник, и мы в нем ошиблись!

Как вам работается? Сделано ли что-нибудь для новой книги? Может быть, все-таки переиздать “Дальнее дерево” с дополнениями? Как я хочу, чтобы Вы работали легко, чтобы Вас не мучили сомнения. Когда работаешь, сомнения и медлительность весьма полезны, но если из-за медлительности и сомнений нельзя работать, к черту их с их пользой. Один только вред, а пользы нет. Польза — не то слово, нет творчест-

30 В мае 1975 г. Л. Мкртчян был назначен вторым секретарем правления Союза писателей Армении.

ва. А должно быть. Должно быть, потому что творчество (поэзия) — это Ваше предназначение, Ваш тяжкий долг.

Пишите.

Не видели ли Вы Гребнева? Что он и как он? Приезжали таджики и говорили, будто он подал заявление на выезд. Не знаю и не верю. Такая это глупость. И зачем все это Гребневу, русскому поэту, деятелю русской культуры?..

Мы с Амо Сагияном читаем новый сборник стихов Беллы Ахмадулиной. Очень талантливо, но не нравится, что-то не получается у нее. Это чувствует и сама Ахмадулина. Она то и дело пишет, что не может писать. Пишет талантливо, даже блестяще, но это не выход.

Амо говорит, что иногда поэт чужой строчкой выражает СЕБЯ. А здесь Ахмадулина своими стихами не может выразить себя. Книга получилась какой-то разорванной, не цельной. Все время вспоминаешь других поэтов, хотя каждое стихотворение в отдельности оригинально.

Иногда мы с Амо спорим. Я вступаю за Беллу, как Вы вступились за Соно. Я даже упрямил Амо перевести это вот стихотворение:

ДРУГОЕ

Что случилось? Зачем я не могу,
Уж целый год не знаю, не умею,
Слагать стихи и только немоту
Тяжелую в моих губах имею.

Вы скажете — но вот уже строфа,
Четыре строчки в ней, она готова.
Я не о том. Во мне уже стара
Привычка ставить слово после слова.

Порядок этот ведает рука.
Я не о том. Как это прежде было?
Когда происходило — не строка —
Другое что-то. Только что? — Забыла.

Да, то, другое, разве знало страх,
Когда шалило голосом так смело,
Само, как смех, смеялось на устах
И плакало, как плач, если хотело?

Очень нравится — а как это написано! Амо сидит сейчас и переводит эти стихи. Приветы Вам от Амо. Приветы Вам и Арише от меня».

* * *

Левон Мкртчян писал: «...Мои газетные статьи о Петровых были плохо написаны. Достоинство их, очевидно, состояло лишь в том, что они были написаны тогда, когда о Петровых не писали. Было видно, что я люблю стихи Марии Петровых, но не умею о них писать: плохая статья, но хороший поступок...»

И мое участие в «Дальнем дереве» прежде всего — поступок. Именно это (поступок) имела в виду еврейская поэтесса Рахиль Баумволь. В начале апреля 1969 года она писала мне:

«Спасибо за содержательное и доброжелательное предисловие к сборнику Петровых!

Как гласит русская пословица, «шила в мешке не утаишь», — вот и дошло до меня, что издание этого прекрасного сборника — всецело Ваша заслуга. Вы вполне можете этим гордиться. И пусть кое-кому будет стыдно, что такая великолепная по-

этесса, как Мария Сергеевна, издала свою первую книгу не в Москве, где она всю жизнь живет.

Еще раз — огромное спасибо! Хотя мы с Вами не знакомы, но этот Ваш поступок раскрыл передо мной Вас, как человека и как писателя. Будто я Вас давным-давно знаю.

И вообще я давно лелею надежду побывать в Армении, но все как-то не выходит. У меня много друзей-армян. Армяне мне делали много добра, и у меня к ним особенно нежные чувства. Да мало ли еще причин, по которым мне глубоко симпатичен этот славный, талантливый народ!».

За «Дальнее дерево» Левона Мкртчяна благодарили многие, многие говорили о его роли в издании книги. Но, пожалуй, лучшая благодарность заключена в лаконичной надписи Петровых на подаренном ею Левону Мкртчяну экземпляре «Дальнего дерева»:

«Левону Мкртчяну — автору этого издания.

Дорогому другу
с любовью и верностью.

М. Петровых. 19 янв. 1969 г.»

* * *

Издание «Дальнего дерева» было одним из высоких поступков Левона Мкртчяна. Другой, не менее значительный поступок он совершил через десять лет после выхода книги Петровых. Об этом поступке свидетельствуют еще два письма из его архива.

В 1979 году по инициативе Левона Мкртчяна, работавшего тогда вторым секретарем Союза писателей Армении, и при поддержке первого секретаря СПА Вардгеса Петросяна в Армении после многовекового перерыва был возрожден Праздник Переводчика. В рамках готовившегося Праздника предполагалось наградить кого-либо из переводчиков приуроченной к этому событию премией им. Егише Чаренца. Секретариат Союза писателей в отсутствие Левона Мкртчяна принял решение присудить премию Михаилу Александровичу Дудину, о чем поэт незамедлительно был поставлен в известность. Такое решение возмутило Мкртчяна, хорошо знавшего Дудина, высоко его ценившего, дорожившего его добрым отношением к себе и к Армении, но тем не менее считавшего нецелесообразным награждать поэта, который к тому времени не мог похвалиться какими-то особенными заслугами перед армянской поэзией. Конфликт с инициаторами идеи о награждении Дудина ускорил принятие Мкртчяном давно вынашиваемого им решения об уходе с должности секретаря. Однако, прежде чем реализовать это решение, Мкртчян 10 мая 1979 г. обратился с письмом к секретарю Центрального Комитета Компартии Армении по вопросам идеологии К.Л. Даллакяну. В письме, в частности, говорилось:

Уважаемый Карлен Левонович!

Предстоящий праздник переводческого искусства должен, естественно, способствовать делу оживления переводов на армянский язык и с армянского языка на другие языки. Премия им. Егише Чаренца для того и учреждена. Если премии получают не те люди, то от этих премий вместо пользы будет один лишь конфуз.

За последние десять-пятнадцать лет вышли в свет однотомник и трехтомник Ованеса Туманяна, двухтомник и однотомник Аветика Исаакяна, однотомник Чаренца, том «Армянской средневековой лирики», два тома «Армянской классической лирики», «Книга скорби» Григора Нарекаци, «Сто и один айрен» Наапета Кучака. Разумеется, я говорю об основных, главных изданиях.

Во всех названных выше книгах (я это знаю, потому что, так сказать, находился внутри работы) принимали деятельное участие Мария Петровых и Наум Гребнев.

Таким образом, главные, капитальные книги стихотворных переводов выходили в свет во многом благодаря усилиям Петровых и Гребнева. Они работали над армянской поэтической классикой не один и не два года. Мария Петровых — всю

жизнь (известны ее изумительные переводы также из Сильвы Капутикян, Амо Саги-яна, Маро Маркарян...), а Гребнев — больше десяти лет.

Естественно поэтому, что одну из главных премий хорошо бы поделить между Петровых и Гребневым. Ни один из переводчиков армянской поэзии не работал последние десять лет так плодотворно, как они.

Называется (не будем этого скрывать) имя Михаила Дудина, замечательного человека и поэта. Но что он сделал как переводчик армянской поэзии? Издал в «Детгизе» тридцатистраничную тоненькую книжицу стихов Исаакяна в своих переводах. Эта его работа не идет ни в какое сравнение с тем, что сделали Петровых (кстати, Петровых как русский поэт ничуть не ниже Дудина) и Гребнев. Во сто раз больше сделали как переводчики армянской поэзии Елена Николаевская, Арсений Тарковский, Белла Ахмадулина, Владимир Микушевич, Олег Чухонцев, Давид Самойлов...

Конечно, вроде бы, эффектно дать премию Дудину, лауреату Госпремии СССР, Герою Социалистического Труда, лауреату Золотой медали имени Фадеева. Но все эти знаки отличия и высокие награды он получил по справедливости.

Я совершенно уверен, что мы и самого Дудина поставим в неловкое положение, если премию присудим ему, а людей значительно более заслуженных обойдем. Более заслуженны не только Петровых и Гребнев, но и целый ряд других переводчиков. Дело даже не в том, что премию им. Чаренца обязательно получили бы Петровых и Гребнев, а в том, чтобы НАШЕ РЕШЕНИЕ НАШЛО ПОНИМАНИЕ, ЧТОБЫ ОНО НЕ ВЫЗВАЛО НЕДОУМЕНИЯ.

Можно дать посмертно премию Вере Звягинцевой, Николаю Тихонову. Справедливо было бы, наконец, присудить премию им. Чаренца Арсению Тарковскому за его блистательные переводы из Чаренца. Зачем, спрашивается, это важное дело превращать в «мероприятие», в пустую галочку. Если мы ищем для награждения всесоюзно громкие имена, то переводчики, как ВЫ ЗНАЕТЕ, шумно известными не бывают, об их работе, как правило, умалчивают. Но смысл чаренцевской премии в том, чтобы поощрить переводчиков, именно переводчиков. Было бы недопустимо, чтобы в погоне за соображениями второстепенными, непонятными мы бы обошли переводчиков даже на переводческом празднике. Праздники кончатся, наступят будни. Мероприятие пройдет, останутся люди, с которыми трудно будет работать.

Кстати, никто из названных мною поэтов не думал: вот я перевожу армянских поэтов и получу премию. Но раз премии учреждены, то их должен получить тот, кто работал.

Думается, я имею право на свое мнение по затронутым вопросам. Я заработал это право годами упорной, трудной работы, которая, зачастую, увы, сопровождается непониманием.

Уверен, что ту одну премию, которая предназначена переводчикам на армянский язык, тоже надо разделить, присудив двум-трем переводчикам. Зачем людей обижать, если можно их обрадовать? Я бы хотел быть мудрым и добрым. Но, увы...

С глубоким уважением

Л.М. МКРТЧЯН, профессор, доктор филологических наук».

К чести К.Л. Даллакяна надо отметить, что Л. Мкртчян был услышан³¹. И Премию им. Чаренца Петровых получить успела. В письме официальному лицу Левон Мкртчян не стал писать о том, что Петровых тогда была смертельно больна, что

31 Примечательно, что эта история еще больше сблизила Мкртчяна с Михаилом Дудиным, человеком высоких нравственных принципов, по достоинству оценившим поступок Левона Мкртчяна. В дальнейшем (с середины 80-х годов) армянская тема в творчестве поэта стала одной из доминирующих. Равно как доминирующими в его переводах стали стихи армянских поэтов. И существенную роль в этом сыграл Левон Мкртчян, которого Дудин назвал «мастером по классической подготовке друзей Арменици».

справедливого решения вопроса ему хотелось еще и потому, чтобы доставить хоть какую-то радость обреченному человеку. И уже через три недели, 1 июня, он, отправляя копию этого письма Науму Гребневу, писал: «Дорогой Наум! Сейчас узнал, что умерла Мария Сергеевна.

Судьба за мной присматривала в оба,
Чтоб вдруг не обошла меня утрата...

Не обходит, никого из нас не обходит утрата. Увы.

Я очень хотел, чтобы премия принесла ей радость, а теперь все уже все равно. Надо бы, впрочем, издать ее книгу, но об этом потом.

Посмотри, пожалуйста, письмо (пусть оно у тебя будет), которое я послал начальству. А когда С.А. сказал, что я заполонил Армению гребневыми, то я ему ответил... Какие-то гады вот уже несколько лет распространяют слухи о том, что ты подал заявление».

В книге «Так назначено судьбой» Л. Мкртчян рассказал и о награждении Петровых премией: «Май 1979 года. В Союзе писателей Армении учреждена переводческая премия имени Егише Чаренца. Решено присудить премии видным переводчикам на армянский язык и с армянского языка. Президиум Союза писателей Армении (я был вторым секретарем Союза) единогласно решил присудить одну премию Марии Петровых и Науму Гребневу. Но кто-то в Москве распространял слухи о том, что Гребнев уезжает в Израиль (на самом деле он никуда не уезжал и не уехал), а мы ему даем премию...

Премию для Марии Петровых удалось отстоять — ее все любили и обожали. Любили и Гребнева, но вето, наложенное инстанциями (читайте — антисемитами), сыграло свою роль. Гребневу дали какую-то грамоту».

И хотя, в соответствии со своей натурой, Мкртчян ни словом не обмолвился о том, какую роль в этой истории сыграл он, фраза «Премию для Марии Петровых удалось отстоять» говорит о многом...